

Три глухих удара гонга вырвали Ху Пэя из сна. Сквозь листву доносился негромкий гул — ученики, разбившись на группки, неспешно прогуливались по саду и переговаривались. Спрыгнув с ветки на землю, юноша мысленным усилием направил духовную силу, чтобы очистить одежду от насевшей пыли, и не спеша пошёл к учебным классам.

По дороге ему встретилось несколько человек. Они лишь вежливо улыбались, но заговаривать не решались. Ху Пэй, сделав вид, что ничего не замечает, лишь слегка ускорил шаг.

Ученики провожали его долгими взглядами. Одно лишь созерцание его изящного силуэта поднимало настроение, однако подойти и завязать разговор им мешали какие-то смутные, необъяснимые причины.

Навстречу ему выбежала Цай Цзыцзинь. На её лице сияла искренняя радость.

— А-Пэй! Ты слышал? Чао Цо вызвали в учительскую к наставнику Оуяну. Как думаешь, сильно ему влетит?

Ху Пэй едва заметно уклонился в сторону. Он уловил едва различимый запах, исходящий от девушки. Ловко уклонившись от её руки, он прибавил ходу, направляясь к классу «Усердие».

Цай Цзыцзинь обиженно топнула ножкой. Спутницы тут же окружили её, принявшись наперебой утешать и выдумывать всевозможные оправдания столь холодному поведению юноши.

Ху Пэй вошёл в класс и занял своё привычное место.

К нему тут же пододвинулся Ми Цзяо.

— Ну ты даёшь, Ху Пэй! Сработал просто блестяще. Даже мой отец признал, что ты полностью оправдываешь своё имя — господин Линцзюнь.

Подперев подбородок рукой, Ху Пэй безучастно смотрел перед собой, пропуская похвалу мимо ушей.

«Утром я ушёл в спешке, так и не распорядившись насчёт еды для лисёнка. Интересно, догадается ли Минцуань покормить его?»

«И не затеет ли Сяо Хуансянь ссору с Фэйбаем в его отсутствие?..»

Впрочем, окружающие давно привыкли к его вечной отстранённости.

Даже Цай Цзыцзинь, вернувшись в класс вместе со своей свитой, снова робко подошла к нему и нежно заговорила:

— А-Пэй, вчера кто-то видел, как ты купил белого щенка. Вечером я тоже попросила слуг достать мне одного. Он такой милый! Пушистый-пушистый, его так приятно держать на руках.

Ху Пэй слегка нахмурился. Вот, значит, почему от неё веяло псом, когда они разминулись на дорожке.

Он молча поднялся из-за стола и направился к выходу.

На этот раз Цай Цзыцзинь не просто топнула ногой, но и обиженно надулась.

Ми Цзяо сочувственно шепнул ей:

— Цзыцзинь, ты, верно, не знала, что Ху Пэй терпеть не может собак?

Она сердито взглянула на него и отшатнулась:

— Чего пристал? Мы разве так близки? Ему, значит, можно заводить и тискать щенков, а от меня из-за этого якобы «воняет»?

Стоящий неподалёку Юй Лань с усмешкой заметил:

— Да он всегда такой. И всё же ты продолжаешь бегать за ним хвостиком.

— Вы оба... несносные! — Цай Цзыцзинь ещё раз сердито зыркнула на них и умчалась к своему столу.

В тот день в классе «Усердие» Ху Пэй соизволил появиться лишь на последнем уроке, посвящённом искусству интонации и музыке.

Когда занятия наконец подошли к концу, у ворот академии появился Чао Цо, которого наставник Оуян продержал у себя весь день.

У парня до сих пор кружилась голова от бесконечных нравоучений. Вдруг его затуманенный взор выхватил из толпы невероятно изящный силуэт. Сердце сладостно екнуло, но стоило ему встретиться с его глубоким, затягивающим взглядом, как по спине пробежал холодок, мгновенно вернув его к реальности.

«Какая ещё красавица? Это же Ху Пэй, этот несносный лис в человеческом обличье!»

Юноша стоял у пышных декоративных кустов, делая вид, будто увлечённо рассматривает нежные лепестки.

Чао Цо направился к выходу. Сначала он планировал просто пройти мимо, но ноги почему-то сами замедлили ход и остановились рядом.

Наигранно и громко кашлянув, он буркнул:

— Эй, Ху Пэй... Кхм, занятия окончены?

Ху Пэй легонько коснулся пальцами раскрывающегося бутона с жёлтыми тычинками и алыми краями, продолжая хранить молчание с видом человека, упивающегося собственным одиночеством.

Глядя на его тонкие, изящные пальцы, Чао Цо почувствовал странный прилив сил. На его лице невольно расплылась ухмылка, и он шагнул ближе:

— Экипаж нашего ведомства Сиши ждёт у ворот. Хочешь, подвезу?

Перед уходом отец вроде бы наказал ему наладить отношения с этим парнем. К тому же, лицо наставника Оуяна за весь день так примелькалось, что казалось состоящим из одних лишь унылых иероглифов. Ху Пэй, хоть и выглядел женственно, был чертовски хорош собой — куда приятнее старого зануды.

Услышав это, Ху Пэй убрал руку от цветка и, не говоря ни слова, развернулся и зашагал прочь из академии.

Чао Цо недовольно поморщился.

«Ну что за невыносимый тип! Не хочешь ехать — так и скажи. Словно язык проглотил. Слишком много о себе мнит!»

Он попытался прибавить шагу, чтобы обогнать наглеца, но Ху Пэй упрямо держался чуть впереди.

Так они и вышли из ворот академии в толпе расходящихся учеников — один следом за другим.

Заметив, что Ху Пэй направляется в сторону повозки в каретном ряду, Чао Цо удивился.

«Неужели сегодня слуга не потащит его на закорках?»

На здешней каретной станции теснились десятки экипажей, присланных за отпрысками благородных семейств.

Кое-кто из учеников, завидев Ху Пэя, удивлённо зашептался:

— Поглядите-ка. В доме Ху отродясь не жаловали выезды, Ху Пэя всегда слуга на спине уносил. А сегодня что?

Под заинтригованными взглядами толпы Ху Пэй без лишних церемоний подошёл к карете семейства Чао и, опередив стоявшего у подножки Чао Цо, поднялся внутрь.

Сам молодой господин Чао застыл у деревянной ступеньки с открытым ртом. И как это понимать?

Лишь после того как старый кучер дядя Чао негромко окликнул его, парень опомнился, торопливо влез в карету и откинул занавеску. Ху Пэй уже вальяжно расположился на самом почётном месте прямо по центру и вовсю угощался заботливо приготовленными хозяевами сладостями и фруктами, ведя себя как полноправный хозяин.

— Господин Ху, молодой господин, держитесь крепче. Поехали! — прикрикнул дядя Чао, пришпоривая лошадей. Карета плавно покатила прочь.

Оставшиеся на станции ученики продолжали оживлённо шептаться, решив, что Чао Цо теперь окончательно попал под покровительство Ху Пэя.

Внутри экипажа Чао Цо, буравя наглеца возмущённым взглядом, бесцеремонно вырвал у него из-под носа вазу с фруктами.

— Ты, девица недоделанная... — начал было он, но, натолкнувшись на холодный, бездонный взгляд Ху Пэя, осёкся. Сглотнув вставший в горле ком, он молча вернул вазу на столик и попытался придать голосу твёрдости: — Кхм! Не думай, что раз я уступил тебе один раз, то буду вечно пресмыкаться!

Ху Пэй не спеша взял белоснежную шёлковую салфетку, тщательно стёр с кончиков пальцев крошки от пирожного и ровным голосом произнёс:

— Неужели господин Сиши не велел тебе поучиться у меня хорошим манерам и уму-разуму?

— Отец говорил что-то в этом духе, но это не значит, что я должен во всём тебе потакать! И вообще, прекрати так смотреть своими лисьими глазищами. Не дай бог тебя увидит госпожа

Тянь И, дочь почтенного Цюймэ. Ещё решит, что ты её соблазняешь, — процедил сквозь зубы Чао Цо.

Ху Пэй едва слышно хмыкнул.

Почему ему так нравилось дразнить этого пухлого юношу? Пожалуй, из всех сверстников у Чао Цо было вполне приятное лицо, а главное — в его взгляде, в отличие от остальных, не читалось ни глупого обожания, ни похотливого вожделения.

— Цюймэ заведует всеми пастбищами и конюшнями Золотой столицы. Учитывая нынешнее положение твоего отца на службе, тебе, как единственному наследнику дома Чао, будет непросто добиться руки его дочери.

В подобных делах Чао Цо считал себя знатоком.

Он самодовольно ухмыльнулся:

— Не твоя забота. Мой отец чином повыше будет, так что этот Цюймэ ни за что не посмеет отказать, если мы пришлём сватов.

Ху Пэй одарил его снисходительным взглядом. Услышав, как кучер снаружи натягивает поводья, он поднялся со своего места.

— Господин Ху, мы приехали к вашей усадьбе, — донёсся с козел голос дяди Чао.

Едва тот договорил, как полог кареты распахнулся.

Ху Пэй застыл в проёме. На фоне угасающих лучей заходящего солнца его силуэт казался неземным. С мягкой, почти неуловимой улыбкой он бросил через плечо:

— Завтра утром заедешь за мной пораньше. Иначе мне придётся прогуляться по улице Цайи, прямо под окнами усадьбы Цюймэ.

— Ах ты, девка... ты... — Чао Цо в ужасе прикрыл рот ладонью и сердито уставился на него.

Но Ху Пэй уже спустился по приставной ступеньке и направился к Ху Линю, который преданно поджидал молодого господина у ворот.

Чао Цо высунулся из окна экипажа и вдогонку яростно закричал:

— Ху Пэй, ну берегись у меня!

Тот даже не обернулся. Не проронив ни слова, он вместе со слугой скрылся за воротами усадьбы Ху.

Возвращаясь в родной дворик Нефритового Ириса, Ху Пэй поинтересовался на ходу:

— Как там Фэйбай?

— Весь день пролежал на кушетке, — почтительно доложил Ху Линь. — Ни крошки в рот не взял, да и наружу не показывался.

— А Сяо Хуансянь? — спросил юноша, переступая через порог ворот и бросая взгляд в сторону флигеля.

В его ушах звенел весёлый гомон птичьего семейства, свившего гнездо на старой сосне.

— Да она сегодня на удивление рано поднялась. Все слуги так и ахнули — до чего прилежная стала! С самого утра на кухне крутилась, помогала стряпать, — с улыбкой ответил Ху Линь, но тут же помрачнел: — Молодой господин... Вы сегодня отказались от моих услуг... Неужели я тоже чем-то не угодил? После того как уволили Ху Суна, я подумал...

Ху Пэй на мгновение замер, но промолчал и прошёл в покои.

Устроившись в резном кресле, он скользнул взглядом по белому пушистому комочку, свернувшемуся на шёлковой подушке, и небрежно обронил:

— Я расту, становлюсь тяжелее. К тому же, по законам нашего дома, ученики обязаны ходить на занятия пешком. Исключение сделано лишь для восьмой сестры, которой дозволено делить экипаж со старой госпожой по пути в Государственный университет. Даже шестой брат ходит пешком. Ты ведь знаешь мой нрав. Теперь меня будет возить повозка из усадьбы Чао, так что у тебя появится больше свободного времени.

Вспомнив, что девятилетний Чао Цо уже вовсю грезит о женитьбе на дочери смотрителя конюшен, Ху Пэй с улыбкой повернулся к слуге:

— Да и тебе уже немало лет, после Нового года минет двадцать. Самое время присмотреть хорошую девушку и завести семью. И ещё: прекрати общаться с Ху Суном. Когда обзаведёшься женой, расходы пойдут нескончаемым потоком, так что лучше откладывай каждую монету.

Эти сведения о тайных делах слуги Ху Пэй почерпнул из утреннего щебетания птиц на сосне, а теперь невзначай высказал самому Ху Линю.

Тот мгновенно подобрался, побледнел от страха и не нашёлся что ответить.

Погасив улыбку, Ху Пэй перевёл взгляд на вошедшего с подносом Минцуаня:

— Отныне меня возит экипаж Чао. Ху Линь будет оставаться в поместье и помогать тебе. Присматривай за ним хорошенько, а то спустит своё скудное жалованье на проходимцев.

Минцуань работал бок о бок с Ху Линем и прекрасно знал, что тот сегодня втихаря подкинул денег уволенному Ху Суну.

Молча кивнув, он вместе с притихшим товарищем принялся расставлять принесённые блюда и чашу со сваренными всмятку яйцами.

Ху Пэй подошёл к кушетке и бережно поднял Фэйбая. Из-под пушистой чёлки на него уставились два алых глаза-рубина.

— Утром я сварил ему яйцо, но он даже не притронулся, проспал до самого вечера, — негромко заметил Минцуань. — Судя по виду, сейчас он вполне бодр. Неприхотливый зверёк.

— Угу, — отозвался Ху Пэй. Перенеся лисёнка к обеденному столу, он придвинул к нему пиалу с яйцами.

Фэйбай принялся аккуратно и неторопливо лакомиться угощением.

Увидев, что питомец пошёл на поправку, Ху Линь облегчённо перевёл дух и вместе с Минцуанем застыл в почтительном ожидании у стены.

Сам Ху Пэй обедал медленно и изящно. Промакивая губы салфеткой, он вдруг поймал себя на мысли, что весь ужин машинально гладил лиса... Видимо, глупые повадки Чао Цо оказались заразительными.

Отложив шёлковую ткань, он спросил у Ху Линя:

— Сяо Хуансянь ещё не вернулась?

Вместо товарища ответил Минцуань:

— Я отнёс ей обед в каморку. Честно говоря, молодой господин, хоть она и простая служанка, а гонору у неё побольше, чем у иных барышень. Дворовые частенько ворчали на её лень. Но сегодня она будто переродилась — всю хлопот в покоях Первой госпожи.

— Не стоит о ней беспокоиться. Раз матушке она по душе, пусть балует. В нашем доме на службу не берут тех, кто моложе семнадцати лет, и Сяо Хуансянь — единственное исключение. Мы растим её как дитя. Уберите здесь всё и ступайте. Позже принесёте тёплой воды для умывания.

Договорив, Ху Пэй устроил сытого Фэйбая на руках и вышел во двор.

Он медленно шёл по тенистым дорожкам сада усадьбы Ху, бережно поглаживая лисёнка. Попробовал было пристроить пушистого зверька на плечах, словно воротник, но тот постоянно соскальзывал вниз.

Вздохнув, Ху Пэй снова прижал белую лисицу к груди и направился к покоям своего отца, Великого церемониймейстера Ху Юньшэня.

Стоило ему переступить порог двора, как впереди мелькнул подол жёлтого платья. Обладательница наряда, точно испуганная мышь, завидевшая кота, отпрянула и бросилась наутёк в сторону женской половины дома.

Ху Пэй задумчиво провёл пальцами по шёлковой шёрстке Фэйбая и тихо шепнул:

— Надо же, как сильно она тебя боится.

Узнав от служанки Ляньпэн о приходе младшего сына, Первая госпожа Цзи Муюнь поспешно подтолкнула дремлющего супруга.

Пара покинула спальню и чинно устроилась в гостиной, ожидая появления юноши.

Ху Пэй знал, что в этот час отец обычно дома, потому и решил навестить обоих родителей разом.

Увидев их натянутые, преисполненные важности позы, он почувствовал лёгкий укол совести. Подойдя ближе, он вежливо поклонился:

— Матушка, батюшка.

— Кхм-кхм... Отыбедал уже? — глуховато поинтересовался Ху Юньшэнь, за что тут же удостоился недовольного взгляда супруги.

В этот момент мимика и царственные манеры госпожи Цзи Муюнь удивительным образом

напоминали повадки самого Ху Пэя.

— Подойди ко мне, А-Пэй, — ласково позвала матушка. Приглядевшись к сыну, она перевела взгляд на спящего у него на руках белого зверька и с мягкой улыбкой спросила: — Он не кусается?

— Вовсе нет. Люди называют меня ленивым, но этот лисёнок превзошёл своего хозяина — спит напролёт целыми днями, — пошутил Ху Пэй.

Первая госпожа негромко рассмеялась.

Ху Юньшэнь напустил на себя суровый вид и громко кашлянул:

— Раз понимаешь свою лень, так берись за ум! Не хватало ещё, чтобы наставник Оуян повадился бегать ко мне с жалобами на твоё прилежание.

Ху Пэй лишь загадочно улыбнулся в ответ. Он прекрасно знал, что за него тут же заступятся.

И действительно, стоило супруге тихо, но выразительно вздохнуть, как Великий церемониймейстер мгновенно притих.

Госпожа Цзи Муюнь без лишних церемоний выставила мужа за дверь:

— Ты ведь сам говорил, что в связи с приближающимся провозглашением наследного принца на твоё ведомство навалилась гора хлопот с подготовкой торжественного церемониала? Вот и ступай заниматься делом.

— Госпожа моя... — жалобно протянул Ху Юньшэнь, но супруга даже не удостоила его взглядом.

Бросив на сына раздосадованный взор, глава семейства нехотя поднялся и покинул комнату.

— Ну вот, отец ушёл, — мягко произнесла госпожа Цзи Муюнь. Она не стала обнимать сына, зная его нелюбовь к чужим прикосновениям, а лишь заботливо спросила: — Как тебе Минцуань? Справляется со службой после ухода Ху Суна?

— Матушка всегда находит лучших людей, — с мягкой полуулыбкой ответил Ху Пэй.

— Ты ведь не держишь на меня обиды за то, что я выгнала Ху Суна? — тихо добавила она, и в её красивых глазах отразилась глубокая материнская нежность.

Ху Пэй нежно провёл ладонью по спине Фэйбая и ровным голосом ответил:

— В последнее время среди простых слуг укоренилось пагубное пристрастие к костям. Если бы матушка, будучи полноправной хозяйкой усадьбы, не проявила твёрдость и не подала пример остальным ветвям клана, разве стали бы другие управители избавляться от нерадивых слуг, погрязших в долгах?

— До чего же ты у меня проницательный, — с гордостью улыбнулась госпожа Цзи Муюнь. — На улице теплеет, но весенняя погода обманчива. Одевайся теплее, не ровен час простудишься.

Ху Пэй ласково посмотрел на неё и качнул головой:

— Матушка, верно, позабыла, что я совсем не боюсь холода. Старая госпожа частенько греет свои ладони о мои руки.

Эти слова заставили матушку притворно нахмуриться. В детстве этот ребёнок рос на редкость диковатым — стоило попытаться прижать его к себе, как он тут же заливался слезами. За все эти годы она держала сына за руку от силы раза три-четыре.

В ответ Ху Пэй вежливо пожелал матушке беречь здоровье в межсезонье. Перекинувшись ещё парой незначительных фраз, они замолчали — говорить им было больше не о чем.

— Позвольте мне откланяться. Пора готовиться ко сну, — первым нарушил молчание Ху Пэй, поднимаясь с места.

— Ступай. Ляньпэн, проводи молодого господина, — распорядилась матушка. Несмотря на свои слова, она лично проводила сына до ворот и ещё долго смотрела вслед уходящему юноше с белым лисёнком на руках, тихо вздыхая.

— Госпожа, на дворе свежо, пойдёмте в дом, — негромко проговорила Ляньпэн, осторожно поддерживая её под локоть.

Первая госпожа молча кивнула и, лишь когда голубое одеяние сына окончательно растаяло во тьме сада, повернула обратно в усадьбу.

Ху Пэй неторопливо шёл по ночной тропе, задумчиво перебирая пальцами мягкую шёрстку лиса.

— Всё-таки я уже давно не дитя, — едва слышно вздохнул он. — Даже при всей матушкиной доброте я не способен на искреннюю сыновнюю привязанность. В мыслях — лишь холодный расчёт да желание соблюсти приличия. Очень жаль.

Цветы распустятся вновь, но юность не вернуть.

Увы, ему уже никогда не суждено беззаботно, подобно глупому ребёнку, насладиться искренней родительской любовью.

<http://bllate.org/book/18313/1758807>